

Стандарты охраны прав и свобод личности при производстве по уголовным делам и их влияние на национальное законодательство

И.Н. Кондрат

Статья посвящена изучению международно-правовых актов, определяющих стандарты охраны прав и свобод личности при производстве по уголовным делам, а также закреплению международных правозащитных положений в уголовно-процессуальном законодательстве Российской Федерации.

Современное реформирование национального уголовно-процессуального законодательства должно быть подчинено в первую очередь внедрению международно-правовых стандартов охраны прав и свобод личности при производстве по уголовным делам, их закреплению в уголовно-процессуальном законодательстве Российской Федерации.

Среди действующих в этой сфере международно-правовых актов, имеющих непосредственное отношение к уголовному судопроизводству, участником которых является Россия, необходимо назвать:

- Международный пакт о гражданских и политических правах, принятый Генеральной Ассамблеей ООН 16 декабря 1966 года на основе Всеобщей декларации прав человека от 1948 года;
- Декларацию о защите всех лиц от пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения или наказания, принятую Генеральной Ассамблеей ООН 9 декабря 1975 года;
- Конвенцию против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания, принятую Генеральной Ассамблеей ООН 10 декабря 1984 года;

– Минимальные стандартные правила обращения с заключенными, принятые Конгрессом ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями 1955 года и одобренные резолюцией Экономического и Социального совета 18 мая 1957 года;

– Кодекс поведения должностных лиц по поддержанию правопорядка, принятый Генеральной Ассамблеей ООН 17 декабря 1979 года;

– Декларацию основных принципов правосудия для жертв преступления или злоупотребления властью, принятую Генеральной Ассамблеей ООН 29 ноября 1985 года;

– Минимальные стандартные правила ООН, касающиеся отправления правосудия в отношении несовершеннолетних («Пекинские правила»), утвержденные Генеральной Ассамблеей ООН 10 декабря 1985 года;

– Европейскую конвенцию о защите прав человека и основных свобод 1950 года с учетом вступления России в Совет Европы и присоединения к его Уставу.

При этом важно учитывать, что международно-правовые доктрины защиты прав человека обладают определенными отличиями от классических доктрин международного права.

Кондрат Иван Николаевич – к. ю.н., к. э.н., профессор кафедры правового обеспечения управленческой деятельности МГИМО(У) МИД России. E-mail: vestnik@mgimo.ru

Традиционное публичное международное право зиждется на представлениях о суверенном равенстве государств и стоит на страже принципа взаимности в отношениях между ними. Напротив, современные институты и нормы международного права, регулирующие защиту прав человека, требуют от государств-участников соответствующих договоров принять на себя односторонние обязательства по обеспечению защиты прав человека в отношении всех лиц, находящихся под их юрисдикцией. Таким образом, указанные институты и нормы регламентируют прежде всего взаимоотношения между государством и человеком, а не между двумя государствами или двумя правительствами.

Данное обстоятельство означает также, что в контексте прав человека международное право придает индивиду статус субъекта, а не только объекта регулирования. Именно этим оно отличается от традиционного международного права, в соответствии с которым государства являются действующими лицами по отношению друг к другу, а индивиды пользуются защитой лишь в качестве объектов заботы государства. Природа, функции и ограничения международно-правовой системы прав человека в свете таких взаимоотношений накладывают свой отпечаток как на устанавливаемые стандарты, так и на реализацию гарантируемых прав.

Основные международно-правовые документы по правам человека, посвященные гражданским и политическим правам, включая Европейскую конвенцию о защите прав человека и основных свобод, закладывают сравнительно общие основы защиты прав личности. Тем самым они напоминают скорее внутрисударственные билли о правах и другие конституционные аналоги, нежели кодексы. Одновременно они устанавливают не верхний предел, а рамки поведения государств¹.

Названные, а также иные документы содержат нормы, гарантирующие надлежащую охрану прав и свобод человека и гражданина, в том числе в сфере отправления правосудия, закрепляющие примат справедливости, гуманизма, беспристрастности, совести и долга в общественных и государственных отношениях. В частности, в них отмечается, что независимость и беспристрастность правосудия являются важнейшими составляющими такого государства, которое гарантирует защиту прав человека и чьи институты основываются на нормах закона. Например, статья 7 Всеобщей декларации прав человека устанавливает, что все люди равны перед законом и имеют право, без всякого различия, на равную защиту закона.

Указанные и другие нормы содержатся в Конвенции против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания. В ней предписывается, что каждое государство-участник обеспечивает, чтобы его компетентные органы проводили быстрое и беспристрастное расследование, когда имеются

достаточные основания полагать, что пытка была применена на любой территории, находящейся под его юрисдикцией (ст. 12); предпринимаются меры для обеспечения защиты истца и свидетелей от любых форм плохого обращения и запугивания, в связи с его жалобой или любыми свидетельскими показаниями (ст. 13).

Основные принципы, касающиеся роли юристов (1990 года), предусматривают положение о том, что юристы при всех обстоятельствах сохраняют честь и достоинство, присущие их профессии, как ответственные сотрудники в области отправления правосудия (ст. 12). Эти нормы закреплены в статье 5 Мер, гарантирующих защиту тех, кто приговорен к смертной казни (1984 года), в статьях 6, 8, 12, 16 Декларации основных принципов правосудия для жертв преступлений и злоупотребления властью (1985 года) и в ряде других документов².

Статья 3 Всеобщей Декларации прав человека закрепляет право каждого человека на жизнь, свободу и личную неприкосновенность. Статья 9 Декларации указывает гарантию данного права на свободу в контексте уголовно-процессуального принуждения: «Никто не может быть подвергнут произвольному аресту, задержанию или изгнанию». Статья 12 Декларации гласит: «Никто не может подвергаться произвольному вмешательству в его личную и семейную жизнь, произвольным посягательствам на неприкосновенность его жилища, тайну его корреспонденции или на его честь и репутацию. Каждый человек имеет право на защиту закона от такого вмешательства или таких посягательств».

Международный пакт о гражданских и политических правах и Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод дублируют провозглашенные в Декларации права. Международный пакт раскрывает их содержание более подробно и предусматривает возможные ограничения, а также гарантии этих прав, причем многие – в контексте борьбы с преступностью в целом и осуществления уголовного судопроизводства в частности. Например, право на свободу и личную неприкосновенность раскрывается в статье 9 Пакта следующим образом:

«1. Каждый человек имеет право на свободу и личную неприкосновенность. Никто не может быть подвергнут произвольному аресту или содержанию под стражей. Никто не должен быть лишен свободы иначе, как на таких основаниях и в соответствии с такой процедурой, которые установлены законом.

2. Каждому арестованному сообщаются при аресте причины его ареста и в срочном порядке сообщается любое предъявляемое ему обвинение.

3. Каждое арестованное или задержанное по уголовному обвинению лицо в срочном порядке доставляется к судье или к другому должностному лицу, которому принадлежит по закону право осуществлять судебную власть, и имеет право на судебное разбирательство в течение разумного срока или на освобождение. Содержание под стражей

лиц, ожидающих судебного разбирательства, не должно быть общим правилом, но освобождение может ставиться в зависимость от: представления гарантий явки на суд; явки на судебное разбирательство в любой другой его стадии; и, в случае необходимости, явки для исполнения приговора.

4. Каждому, кто лишен свободы вследствие ареста или содержания под стражей, принадлежит право на разбирательство его дела в суде, чтобы этот суд мог безотлагательно вынести постановление относительно законности его задержания и распорядиться о его освобождении, если задержание незаконно.

5. Каждый, кто был жертвой незаконного ареста или содержания под стражей, имеет право на компенсацию, обладающую исковой силой».

Статья 5 Европейской конвенции, в целом дублируя положения Декларации, устанавливает, правда, в части первой дополнительные условия, основания и детализирует порядок ограничения права на свободу и личную неприкосновенность.

При этом, конечно, нельзя не заметить, что в международных документах акцентируется внимание именно на международно-правовых гарантиях защиты прав и свобод личности при применении мер процессуального принуждения (задержание и арест), защиты свободы и личной неприкосновенности личности в уголовном судопроизводстве. Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод – международный договор, имеющий большую историю, назначение которого состоит в том, чтобы гарантировать соблюдение прав человека. Поэтому предоставляемый ею инструментарий защиты является наиболее развитым. Он послужил богатейшим источником международных судебных решений по правам человека.

Конвенция – это также и уникальная система, выступающая в качестве международного общего права и функционирующая в режиме преемственности и независимости. О ней можно говорить как о системе общего права в том смысле, что она развивается благодаря создаваемому Европейской комиссией по правам человека и Европейским судом по правам человека прецедентному праву. При этом контрольные органы конвенции признают себя связанными прецедентом (принцип *stare decisis*), а комиссия считает себя обязанной следовать решениям суда. Свойственные ей качества преемственности и независимости обуславливаются тем, что страсбургские учреждения функционируют независимо от национальных судебных органов государств-участников конвенции. Для них эти учреждения не являются «четвертой инстанцией». Европейская комиссия и суд дают толкование оспариваемых положений внутреннего законодательства и оценку правоприменительной практики исключительно с точки зрения их соответствия требованиям Европейской конвенции³.

К тому же Протокол № 2 наделяет Европейский суд по правам человека очень ограниченной консультативной компетенцией. Но нельзя не учитывать, что право и полномочия страсбург-

ских учреждений на разработку и выражение общих европейских стандартов в области защиты прав человека требуют особого внимания к внутреннему законодательству и правоприменительной практике стран-участниц, чтобы поддерживать единообразие всей системы на международном уровне.

После присоединения России к Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод в новый Российский уголовно-процессуальный кодекс была включена норма о том, что вступившие в законную силу приговор, определение и постановление суда могут быть отменены, а производство по делу возобновлено ввиду новых обстоятельств. Среди таких новых обстоятельств было названо установленное Европейским судом по правам человека нарушение положений Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод при рассмотрении судом Российской Федерации уголовного дела, связанное с применением не соответствующего положениям этой конвенции Федерального закона (ст. 413 УПК РФ).

В этой же связи правозащитными организациями в тесном взаимодействии с научными работниками и судебским сообществом разрабатываются многочисленные рекомендации по применению норм конвенции при осуществлении правосудия⁴, которые имеют важное значение и для органов прокуратуры, и органов предварительного расследования, и адвокатов. Знание положений конвенции и научно-практических работ по их применению в национальной правоприменительной практике, несомненно, будет способствовать повышению эффективности защиты прав и свобод лиц, вовлекаемых в производство по уголовным делам, правозащитному совершенствованию уголовно-процессуальной деятельности.

В Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод очень четко и лаконично определяются основные права лиц, вовлекаемых в сферу отправления правосудия по уголовным делам. Это, прежде всего, статья 3, запрещающая подвергать кого бы то ни было пыткам или бесчеловечному или унижающему достоинство обращению и наказанию; уже отмечаемые статьи 5 и 8 о праве на свободу и личную неприкосновенность и праве на уважение частной и семейной жизни; статья 6, согласно которой:

«1. Каждый имеет право при определении его гражданских прав и обязанностей или при предъявлении ему любого уголовного обвинения иметь право на справедливое и публичное разбирательство дела в разумный срок независимым и беспристрастным судом, созданным на основании закона. Судебное решение объявляется публично, однако пресса и публика могут не допускаться на судебные заседания в течение всего процесса или его части по соображениям морали, общественного порядка или национальной безопасности в демократическом обществе. А также, когда того

требуют интересы несовершеннолетних, или для защиты частной жизни сторон, или в той мере, в какой это, по мнению суда, строго необходимо, – при особых обстоятельствах, когда гласность нарушала бы интересы правосудия;

2. Каждый обвиняемый в совершении уголовного преступления считается невиновным, до тех пор, пока его виновность не будет установлена законным порядком;

3. Каждый обвиняемый в совершении уголовного преступления имеет, как минимум, следующие права:

(а) быть незамедлительно и подробно уведомленным на понятном ему языке о характере и основании предъявленного ему обвинения;

(б) иметь достаточное время и возможности для подготовки своей защиты;

(с) защищать себя лично или через посредство выбранного им самим защитника или, при недостатке у него средств для оплаты услуг защитника, пользоваться услугами назначенного ему защитника бесплатно, когда того требуют интересы правосудия;

(d) допрашивать показывающих против него свидетелей или иметь право на то, чтобы эти свидетели были допрошены, и иметь право на вызов и допрос свидетелей в его пользу на тех же условиях, что и для свидетелей, показывающих против него;

(е) пользоваться бесплатной помощью переводчика, если он не понимает языка, используемого в суде, или не говорит на этом языке».

При этом нельзя не заметить, что не все названные положения конвенции нашли свое отражение в новом уголовно-процессуальном законодательстве Российской Федерации и воплощены в правоприменительной практике суда, прокуратуры и органов предварительного расследования. Это должно быть исправлено путем внесения дополнений и изменений в УПК Российской Федерации и разработки рекомендаций по правозащитному совершенствованию уголовно-процессуальной деятельности.

В международно-правовых документах права личности получили закрепление и достаточно детально регламентированы, а согласно части четвертой статьи 15 Конституции Российской Федерации общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры России являются составной частью ее правовой системы. В настоящее время нормы международно-правовых актов, раскрывающих основные права и свободы человека, в той или иной степени закреплены в Основном законе страны и уголовно-процессуальном законодательстве. В частности, речь идет о праве на свободу и личную неприкосновенность, праве не подвергаться пыткам, праве на гуманное обращение и уважение достоинства, присущего человеческой личности и т.п. (ст. 7, 9, 10 Международного пакта о гражданских и политических правах).

При этом необходимо отметить, что вышеуказанные конституционные положения открывают путь непосредственному применению

положений международного права в сфере прав и свобод человека в различных областях внутригосударственной деятельности, в том числе при производстве по уголовным делам. Однако как сама возможность, так и условия такого применения являются предметом широкой дискуссии в юридической науке:

– одни ученые являются категорическими противниками прямого действия международного права внутри страны⁵;

– другие исходят из того, что регламентация внутренних отношений международно-правовыми нормами – достаточно частое явление и нет никаких принципиальных препятствий для прямого действия международных норм во внутрисударственной сфере⁶;

– наиболее оптимальна позиция третьей группы ученых, полагающих, что включать международные нормы в число непосредственных регуляторов внутрисударственных отношений можно лишь в тех случаях, когда совпадает объект регулирования международного и национального права⁷.

«Главный вопрос непосредственной применимости, – считает А. Коллер, – связан с тем, подходит ли норма договора для того, чтобы быть в распоряжении национального пользователя»⁸. И нормы международно-правовых актов, закрепляющие и обеспечивающие права и свободы человека, подходят для этого как нельзя лучше. «Однако более предпочтительным, – справедливо считает В.С. Шадрин, – представляется все же традиционный путь, когда норма международного права проходит стадию трансформации в национальное право, а затем обеспечивается национальными юридическими средствами. Поскольку непосредственное применение судами и другими органами, ведущими процесс, норм международных договоров, представляет известную сложность»⁹. Кроме того, в России еще не сложились традиции непосредственного применения международных норм и соответственно степень осведомленности о них даже профессиональных юристов довольно ограничена¹⁰.

Не вдаваясь в дискуссию о способах такой трансформации и особенностях их содержания, все же хотелось бы высказать несогласие с авторами – сторонниками возможности буквально текстуального автоматического либо в силу ратификации, либо иного способа включения положений международно-правовых актов в правовую систему России. И хотя путь указанной трансформации неизбежен, наиболее целесообразным представляется адаптированное преломление в конституционном и отраслевом законодательстве положений международно-правовых актов. Безусловно, только относительно тех международно-правовых правил, которые закрепляют и регламентируют права и свободы человека.

Иной подход к трансформации указанных положений может повлечь коллизии международно-правовых и национально-законодательных норм, механизм разрешения которых в настоящее

время отсутствует. Справедливость указанных суждений подтверждает проведенный П.Н. Бирюковым опрос практических работников органов уголовной юстиции, выявивший весьма настороженное их отношение к международному праву. Так, на вопрос: «Если в процессе производимого вами расследования возникла коллизия между УПК и вступившим в силу международным договором Российской Федерации, что вы будете применять?», «УПК» – ответили 65% опрошенных учеными следователями органов внутренних дел, 48% – органов налоговой полиции, 44% – сотрудников прокуратуры, а 16% опрошенных вообще затруднились с ответом¹¹.

В заключение можно констатировать, что в настоящее время критерием любого закона должно быть признание соответствия его положениям международного права, которые, в свою очередь, наиболее полно отражают общечеловеческие ценности: гуманизм, справедливость, милосердие, уважение естественных прав человека, его гражданских и политических свобод. С этих позиций

должны быть оценены положения отечественного уголовно-процессуального закона, а также проанализирована деятельность профессиональных участников уголовного судопроизводства на предмет соответствия их действий и решений международным стандартам в области отправления правосудия и охраны прав и свобод личности. Необходима также разработка предложений по правозащитному совершенствованию содержания самого процессуального законодательства и регламентируемой им деятельности в России.

Kondrat I.N. International Standards for the Protection of Rights and Freedoms of the Individual in Criminal Proceedings and Their Influence on the National Criminal Procedure Legislation.

Summary: The article is devoted to the study of the international legal acts which define the standards of the protection of human rights and freedoms in criminal proceedings; it also covers the secure of the international human-rights-based approach in the criminal procedure legislation of the Russian Federation.

Ключевые слова

Охрана прав и свобод личности, производство по уголовным делам, международные стандарты отправления правосудия.

Keywords

Protection of human rights and freedoms; criminal procedure; international criminal justice standards.

Примечания

1. См.: Гомьен Д., Харрис Д., Зваак Л. Европейская конвенция о правах человека и Европейская социальная хартия: право и практика. М., 1998. С. 27.
2. Международные соглашения и рекомендации Организации Объединенных Наций в области защиты прав человека и борьбы с преступностью: Сборник международных документов. Вып. 1. М., 1989.
3. См.: Гомьен Д., Харрис Д., Зваак Л. Европейская конвенция о правах человека и Европейская социальная хартия: право и практика. С. 29.
4. См., напр.: Алексеева Л.Б. Практика применения статьи 6 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод Европейским судом по правам человека. Право на справедливое правосудие и доступ к механизмам судебной защиты. М., 2000; Моул Н., Харби К., Алексеева Л.Б. Европейская конвенция о защите прав человека. Статья 6 Право на справедливое судебное разбирательство: прецеденты и комментарии. М., 2001; Маковой М., Разумов С.А. Европейская конвенция о защите прав человека. Статья 5 Право на свободу и личную неприкосновенность: прецеденты и комментарии. М., 2002; Рекомендации по применению статьи 6 Европейской конвенции о защите прав человека – право на беспристрастное разбирательство дела. Издание Санкт-Петербургской общественной организации «гражданский контроль» и Шведского Агентства международного сотрудничества и развития. СПб., 2002.
5. См., напр.: Cronauer H. Der internationale Vertrag im Spannungsfeld zwischen Verfassung und Völkerrecht. München, 1986. S. 132; Черниченко С.В. Объективные границы международного права и внутренняя компетенция государства // Советский ежегодник международного права. 1984. М., 1985. С. 90
6. См., напр.: Игнатенко Г.В. 1) Международное и советское право: проблемы взаимодействия правовых систем // Сов. государство и право. 1985. № 1; 2) Применение норм международного права в российской правовой системе // Правовая реформа России: проблемы теории и практики. Екатеринбург, 1996; Марочкин С.Ю. 1) Соотношение юридической силы норм международного права и внутригосударственного права в правовой системе Российской Федерации // Российский юридический журнал. 1997. № 2; 2) Действие норм международного права в правовой системе Российской Федерации. Тюмень, 1998.
7. Курс международного права: в 7 т. М., 1989. Т. I. С. 299.
8. Koller A. Die unmittelbare Anwendbarkeit völkerrechtlicher Verträge und des EWG-Vertrags im innerstaatlichen Bereich. Bern. 1971. S. 119.
9. Шадрин В.С. Обеспечение прав личности при расследовании преступлений. М., 2000. С. 21.
10. Международные нормы и правоприменительная практика в области прав и свобод человека. М., 1993. С. 22.
11. Бирюков П.Н. Нормы международного уголовно-процессуального права в правовой системе Российской Федерации. Воронеж, 2000. С. 46.